

УДК 340. 141 (470. 67)

## АНДАЛАЛСКИЙ КОДЕКС ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА В СИСТЕМЕ ДАГЕСТАНСКОГО ПРАВА

Т. В. Гаджиев

Дагестанский государственный университет

---

Статья посвящена одному из интереснейших памятников дагестанского обычного права – Андалалскому кодексу, датируемому XVII веком. Анализируя его отличительные особенности, обусловленные, по мнению автора, влиянием Шариата, он, вместе с тем, раскрывает то общее, что было характерно для традиционной дагестанской правовой и политической культуры.

The article is devoted to one of the most interesting memorials of Daghestan customary law – the Andalal code, dating from the first half of the XVII century. Analyzing its distinctive features, caused, according to the author, by influence of Shariah, it, at the same time, opens common features which were characteristic for traditional Daghestan legal and political culture.

Ключевые слова: Дагестан; Андалал; Шариат; адат; Шамхалиды; династия; историческая традиция.

Keywords: Daghestan; Andalal; Shariah; adat; Shamhalids; dynasty historical tradition.

Факт существования в традиционном Дагестане единообразной правовой системы очевиден каждому проницательному исследователю. Это засвидетельствовал М.М. Ковалевский, когда писал: «Пестрота этнографического состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызывает в нас предположение, что и юридические обычаи, которым следуют горцы, должны отличаться большим разнообразием, так что представляется возможность говорить о целом ряде правовых систем, приуроченных каждая к отдельной народности и являющихся выражением особенностей ее национального духа. Сравнительное изучение приводит, однако, к совершенно противоположному выводу. Вместо нескольких, мы имеем перед собой только одну юридическую систему...» [1].

Следовательно, в прошлом Дагестан представлял собой единое правовое пространство, что неопровержимо доказывает существование единой дагестанской исторической государственности, которая и сформировала «только одну юридическую систему». Вместе с тем дагестанская государственность, насчитывающая без малого полторы тысячи лет [2], неизменно сохраняла свою традиционную федеративную внутреннюю структуру, в силу чего в Дагестане имелось огромное количество норм обычного права (адатов), отличающихся большим разнообразием. Несомненно, решающую роль в этом сыграла высокая степень независимости отдельных общин и их союзов, функционировавших на основах самоуправления.

Практически каждая община имела свои адаты, в чем-то отличные от адатов соседей, но разница, как правило, состояла в неодинаковой мере наказания виновного, в количестве сопричастителей и свидетелей по идентичному делу, в сумме налагаемых штрафов и т.п. И это понятно, если учесть, что дагестанской политической культуре такое понятие, как «властная вертикаль», было неизвестно. При этом для всего Дагестана был характерен единый взгляд на преступление и наказание, на методы доказательств вины, на дееспособность и т.п.

Убийство повсеместно наказывалось кровомщением или примирением на определенных условиях. Вор или грабитель, застигнутый на месте преступления, мог быть убит без всяких последствий для убившего, а застигнутая в прелюбодеянии женщина могла быть убита кем-либо из ближайших родственников, но исключительно вместе с любовником. Получивший ранение лечился за счет ранившего, на угрожавшего применить оружие налагался штраф, и т.д. Главным же стержнем всей системы дагестанского права являлась известная из

---

---

западноевропейского правоведения юридическая максима: «Цель права – мир, средство достижения – борьба». И потому борьба индивида за свои права являлась его долгом перед собой, своим тухумом и своей общиной.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что степень проникновения Шариата в нормы обычного права у различных общин и их союзов была различной. Однако это никоим образом не может быть «приурочено», по выражению М.М. Ковалевского, к той или иной «народности». Современное этническое деление было привнесено в Дагестан извне, тогда как для традиционного было характерно именно территориальное деление. Об этом свидетельствует тот факт, что в историческом Дагестане нельзя обнаружить ни одного моноэтнического удельного феодального владения и ни одного моноэтнического самоуправлявшегося союза общин. С целью архаизации Дагестана отечественная историография на протяжении двух последних веков неправоммерно именовала эти союзы «вольными обществами», тогда как в действительности они представляли собой типичные кантоны.

Проиллюстрировать все вышеизложенное позволяет Андалалский кодекс, который его первый публикатор Х.-М.О. Хашаев озаглавил «Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа» и датировал первой половиной XVII в. [3, с. 62–70] 3. В опубликованном виде отдельные положения или статьи кодекса не имеют нумерации, но были пронумерованы нами для удобства цитирования. В результате их количество составило 74 статьи. Характеризуя их в целом, надо отметить, что андалалский законодатель сумел избежать излишней казуистики, оставив место для судебной практики, которая должна адаптировать более общие положения кодекса к постоянно меняющимся потребностям общества. И обратить внимание на ст. 58: «Каждое поселение будет руководствоваться своими адатами», совершенно определенно указывающую на федеративную структуру Андалалского союза.

Андалалский кодекс открывается безупречной канонической фразой: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», что уже отличает его от постановлений Кайтагского уцмья Рустем-хана [4, с. 80–88] или Кодекса Умма-хана I Справедливого [3, с. 261–269], а также иных сводов обычного права [5]. Соответствует канону и его первая статья, в которой сказано: «Здесь приводятся обеты и соглашения, состоявшиеся между жителями всех поселений Андалала, договорившихся между собой с помощью Аллаха на единство и справедливость». Соответственно и ст. 52 кодекса гласит: «Если из двоих спорящих один потребует решить спор по Шариату, а другой – по адату, их спор будет решаться только по Шариату». К примеру, в кодексе Хунзахского нучала Умма-хана I Справедливого аналогичный вопрос рассматривается в ст. 65, которая гласит: «Если стороны желают разрешить спор: одна по Шариату, а другая по адату, то вопрос этот разрешается по мнению большинства из воеводства» [3, с. 266]. Укажем, что в данном случае «воеводство» является наиболее адекватным переводом аварского слова «бо» – войско, которым обозначались устойчивые административно-территориальные единицы, представлявшие собой самоуправляющиеся союзы общин. Нередко для их обозначения в традиционном Дагестане использовалось иранское слово «махала», а в русской терминологии такому союзу в наибольшей степени будет соответствовать «округ», что и получило отражение в публикации Х.-М.О. Хашаева.

Значительное влияние Шариата на нормы местного обычного права Андалалский кодекс демонстрирует в ст. 61, смысл которой состоит в запрете ростовщических сделок, в какую бы форму эта сделка не была облачена. В частности, в ней идет речь о своеобразном ломбарде, а потому: «Не признается залог имущества, принадлежит ли оно одному лицу или целому селению; если возьмет залог тот, в пользу которого оно заложено, то залог у него отбирается и взыскивается штраф – 1 бык». Влиянием Шариата объясняется наличие в Андалалском кодексе и ст. 34, категорически запрещающей порчу имущества и нанесение ущерба среде обитания в качестве меры наказания, что широко практиковалось в иных областях Дагестана. Данная статья гласит: «Если будет разрушен или подожжен дом, или уничтожен скот кровника, признанного виновным в убийстве человека или в прелюбодеянии с женой другого, то с каждого, кто принимал в этом участие, взыскивается 1 бык. Если жители его селения произведут это взыскание, то быки

---

---

остаются им. Если же они не взыщут, или взыскать не хватит сил, то штраф останется в пользу округа. С виновных в разрушении или поджоге дома и уничтожении скота взыскивается также стоимость причиненного ущерба».

В этом контексте следует остановиться и на выраженном в целом ряде статей отношении Андалалского кодекса к такому явлению, как *ишкиль*, именуемому в других юридических памятниках, в частности «Постановлениях Кайтагского уцмия Рустем-хана», *барамта*. Приведем развернутое объяснение этого термина, данное А.В. Комаровым: «Барамтой (или ишкилем) называлось право истца, потерявшего надежду на миролюбивое удовлетворение со стороны ответчика, нападать на его родственника или односельца и силой отбирать у него какую-нибудь вещь, которую не возвращать до тех пор, пока ответчик, понуждаемый в таком случае родственником своим или односельцем, не удовлетворит сполна истца. По удовлетворении же ответчиком истца взятая последним от кого-либо в барамту вещь возвращалась по принадлежности» [6].

В статьях 19, 20 и 23 Андалалского кодекса сказано: «Если нашему человеку должен кто-нибудь из наших поселений, то он должен идти в поселение должника и попросить должника вернуть долг; если же тот откажет, то старейшины должны между ними установить условия и взять долг, а если должник и от условий откажется, то с жителей, где проживает этот должник, взыскать одного быка»; «Если наш человек у нашего человека возьмет ишкиль, то с того, кто взял, взыскивается один медный котел»; «Если один в порядке ишкиля возьмет в округе что-нибудь, поставив в известность округ о причине ишкиля, и округ пошлет своего представителя, то этот путь все же считается путем ишкиля, и с того, кто взял ишкиль, взыскивается 1 медный котел, а если он взял ишкиль, не соблюдая порядка, то с него взыскивается 1 бык, так как подобный захват считается насильственным».

Запретив на подведомственной территории *ишкиль*, андалалский законодатель не впадает в крайности и не пытается игнорировать окружающую его действительность. Напротив, оставаясь в русле дагестанской правовой системы, ст. 42 кодекса гласит: «Мы решили руководствоваться порядком взятия ишкиля, установленным адатом других округов. Если они возьмут ишкиль у своих ворот, то мы возьмем у своих ворот. Если они возьмут за пределами их земель, то мы же самое сделаем».

Связанный представлениями дагестанской правовой системы и ограниченный в своих возможностях адатами отдельных общин, андалалский законодатель уделяет более десяти статей убийству и проистекающим правовым последствиям. Но и в этом аспекте анализируемый кодекс представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с другими юридическими памятниками Дагестана.

Так, согласно ст. 27, за убийство по неосторожности в пределах допустимой обороны, после того как противник обнажил оружие, виновный в убийстве не объявляется *канлы* и соответственно не изгоняется из общины. С него взыскивается лишь 4 быка, два из которых идут в пользу наследников убитого, а два других – в пользу разрешившего конфликт «исполнителя», как это сказано в тексте статьи. При этом ст. 29 вводит различие между убийством по неосторожности в процессе конфликта и просто случайным убийством, когда с виновного взыскивается только 2 быка, которые в равной мере делятся между наследниками убитого и «исполнителем», а кровь убитого, как гласит статья, «пропадает даром, а также не взыскивается штраф». Но если убийство было совершено с заведомым умыслом, однако по ошибке убитым оказался не убийца (объявленный *канлы*), а некто другой, то с виновного в его совершении взымается 100 баранов и он изгоняется из общины, т.е. признается *канлы* (ст. 28).

Примечательно, что андалалский законодатель не оставляет весь комплекс мер, связанных с убийством, в исключительном ведении отдельных общин, но берет под свой контроль, о чем свидетельствует ст. 30: «Штраф за убийство берется в тот же день; об этом сообщается властям Андалалского союза».

Признанный виновным в убийстве и, как следствие, объявленный кровником, т.е. *канлы*, во избежание возникновения беспорядков, согласно ст. 32 кодекса, должен был покинуть свой дом. В противном случае за каждый просроченный день с него взыскивался 1 бык. При этом ст. 73 не допускает объявления кровником, наряду с уличенным в убийстве, кого-либо еще из числа его ближайших

---

---

родственников, вне зависимости от того, при каких обстоятельствах было совершено убийство: случайно, умышленно или из засады, что в системе дагестанского права считалось убийством при крайне отягчающих обстоятельствах. *«Дважды кровником становится только тот, кто обновит вражду, убив человека или ранив не кровника, а его родственника, как об этом было сказано выше»*, – говорится в этой статье.

Андалалский кодекс отличается лаконичный язык, и при его прочтении возникает ощущение, что законодатель в спокойной тональности повествует о проблемах своего времени. В нем почти нет отсылочных статей, а приведенная ст. 73 является едва ли не единственной, где имеется ссылка на ст. 71, которая гласит: *«Если было совершено убийство и оно закончилось прощением, миром, то за тем, кто после этого былую вражду обновит путем ли убийства или ранения некровника, устанавливается два кровника и два дията, а за рану берется двукратная стоимость»*.

Существенные изменения были внесены андалалским законодателем и в содержание типичных для Дагестана адатов, касающихся похищения женщины мужчиной и предпринятого по своей инициативе «побега женщины к мужчине», а также правовых последствий указанных деяний.

Похищение женщины или девушки рассматривалось в Дагестане как крайне серьезное оскорбление ее родителям или опекунам, и похититель, а также его помощники могли быть убиты преследователями без всяких последствий для убившего. Однако при удавшемся похищении и последующем согласии похищенной и ее близких на брак дело обычно кончалось свадьбой, при соблюдении всех принятых ритуалов. В таком случае за нарушение общественного порядка в одних обществах предусматривался штраф с похитителя [3, с. 129, 157], а в других не предусматривалось и штрафа [4, с. 83]. Пособники похитителя в обоих случаях не подвергались никакому взысканию.

Соблюдая предусмотренные адатом правила похищения, следовало поместить похищенную в чьем-либо доме и ни в коем случае не вступать с нею в интимные отношения. При несогласии похищенной и ее близких на заключение брака похититель возвращал ее обратно, присягая с определенным количеством своих родственников в том, что все предусмотренные правила были соблюдены. После этого он платил штраф в пользу общины и изгонялся под условным названием канлы на небольшой срок, от 3 до 12 месяцев, однако убивать его было запрещено. Несоблюдение этих норм расценивалось как рядовое изнасилование, со всеми вытекающими для виновного правовыми последствиями.

Однако андалалский законодатель, сообразуясь с общественными нравами, допустил похищение женщины как таковое, но предусмотрел правила, которые серьезно осложняли и, как следствие, ограничивали подобную практику. Согласно ст. 63, похититель должен был поместить похищенную исключительно в доме дибра, что по духу статьи означало в доме стороннего официального лица. Иначе за каждую ночь, проведенную похищенной в чьем-либо доме, он платил штраф в размере 1 быка. Но независимо от того, состоялось ли похищение с согласия похищенной, или согласие было достигнуто уже после похищения, в соответствии со ст. 66 похититель подвергался штрафу за нарушение общественного порядка в размере 1 быка. И такому же штрафу, согласно той же статье, подвергался каждый из содействовавших ему в данном предприятии.

Касаясь нормы, позволявшей женщине по своей инициативе «совершить побег к мужчине», особенно в свете распространенного мнения о бесправном положении женщины в дагестанском обществе, следует особо подчеркнуть, что адаты, позволявшие такой побег и оговаривавшие его условия, существовали в Дагестане повсеместно. Согласно этим адатам, женщина, исходя из своих личных симпатий, имела право прибыть в дом к избранному ею мужчине или к кому-либо из его близких родственников и объявить о своем намерении. В этом случае он обязан был на ней жениться и соблюсти все нормы и ритуалы, принятые в общине, из которой происходила убежавшая к нему женщина или девушка. Однако допускалось их соблюдение по минимуму. Следует отметить, что при заключении такого брака не требовалось согласие родителей или опекунов убежавшей, а их место занимал кадий общины, в которой заключался брак.

При категорическом несогласии вступить в подобный брак, что было крайне нежелательным по своим последствиям, мужчина с определенным, весьма

---

---

значительным числом родственников обязан был принести очистительную присягу, подтверждающую отсутствие между ними любовной связи. Гораздо проще, даже для женатого мужчины, было жениться (вторым браком) на «совершившей побег» и вскоре дать ей развод. Но при этом ему не возмещались те относительно незначительные затраты, которые он понес при заключении брака.

Несомненно, повсеместное существование таких адатов говорит о весьма поверхностном влиянии Шариата на местное обычное право. Однако андалалский законодатель внес в них некоторые особенности с целью ограничить подобную практику. Как и в случае похищения, «совершившая побег к мужчине» женщина до разрешения возникшей коллизии должна была, согласно ст. 62, находиться в доме дибира. В противном случае с мужчины, согласно той же статье, взыскивалось по 1 быку за каждую ночь, проведенную ею в ином месте, а с «совершившей побег женщины», вне зависимости от исхода дела, согласно ст. 65, за нарушение общественного порядка взыскивался штраф в размере 1 быка.

Примечательно, что Андалалский кодекс, в отличие от других известных юридических памятников Дагестана, гарантирует деятельность судебного исполнителя, о чем свидетельствует ст. 22: «Если кто ударит исполнителя рукой или чем-нибудь другим, то с того, кто ударил, взыскать одного быка. Если же удар был нанесен с согласия всех жителей поселения, то с них взыскать 300 баранов».

Но наибольший интерес для понимания дагестанской политической культуры представляют статьи кодекса, направленные на обеспечение целостности и незыблемости самоуправления исторически сложившейся субкультурной области Андалал. В этом ключе андалалский законодатель берет на себя право определять внутреннего врага и ставить его вне закона. При этом он готов поступиться духом ст. 34, запретившей, под влиянием Шариата, порчу имущества и нанесение ущерба среде обитания, о чем свидетельствует ст. 54: «Если от нас убежит кто-нибудь к нашим врагам, с него взыскивается 100 баранов, дом его разрушают и не разрешают ему распорядиться своим мульком (земельной собственностью. – Т.Г.)». Андалалский законодатель готов игнорировать и традиционные нормы, регламентирующие убийство и связанные с ним правовые последствия, что следует из ст. 55: «Кто пойдет к нашим врагам с клеветой на нас, с того взыскать 7 быков; если он будет убит во время этой клеветы, то штрафа не взыскивается». Для сравнения укажем, что с лица, распространявшего клеветнические сведения внутри Андалалского союза, согласно ст. 11, взыскивался только 1 бык, и он не мог быть убит без соответствующих правовых последствий для убившего.

И в то же русло укладывается ст. 13, когда гласит: «Если один человек из наших продаст одному человеку из чужих пахотные земли или дом, то с него взыскивается 300 баранов и проданное переходит в собственность нашего общества». Однако ценность этой статьи для дагестанской истории значительно превосходит ту, что она имела для Андалалского союза. Ведь она со всей очевидностью опровергает взгляд, согласно которому в традиционном Дагестане отсутствовала частная собственность на землю. И, что примечательно, опровергнуть его позволяет кодекс, возникший в самом центре Дагестана, что отнимает у его предвзятых сторонников возможность говорить о внешнем влиянии.

Но поскольку любые правовые нормы будут бесполезны без нормальной ситуации, выражаемой словами «спокойствие, безопасность, порядок», андалалский законодатель включил в кодекс ряд статей прямого действия. И этим еще раз выделил его из числа других юридических памятников Дагестана, где аналогичные статьи, как правило, представлены в форме деклараций. Так, ст. 59 Андалалского кодекса гласит: «Если крупное поселение наше захватит себе наше маленькое поселение, то с крупного поселения взыскивается ежегодно по 100 баранов», а в ст. 60 сказано: «Если крупное поселение учинит насилие над маленьким поселением, то все поселения округа помогут ему избавиться от этого насилия». И тем же целям служат статьи 37 и 38, 50 и 51 настоящего кодекса, в которых соответственно говорится: «Если произойдет драка и убийство между жителями нашего поселения и жителями не нашего поселения и наше поселение подвергнется насилию, то мы его без помощи не оставим; если подвергнется насилию не наше поселение, то мы и его избавим от насилия и окажем ему помощь»; «Если одно поселение нашего округа, порвав с нами союз, отделится от нас, не имея с нами связи, то с этого поселения будет взыскано 300 баранов»;

---

---

*«Если кто по вызову на сход в назначенный день не придет, с него взыскивается 1 котел»; «Если жители одного поселения не придут на собрание в назначенный день, с них взыскивается 1 бык».*

Для того чтобы убедиться, что вышеприведенные тексты не просто декларации, достаточно обратиться к статьям, регламентирующим проведение военной мобилизации, или «тревоги», как она названа в Андалалском кодексе. Согласно ст. 2: «С того, кто не примет участия в тревоге, взыскивается штраф в размере одного быка», а в ст. 3 сказано: «Если одно из андалалских поселений не примет участие в тревоге, то с жителей его взыскивается штраф 100 баранов».

Примечательно, что андалалский законодатель не рассматривает убийство противника во время боевых действий или смерть в бою как частное дело, и в первом случае – поощряет, а во втором гарантирует наследникам погибшего материальную помощь из общественного фонда. Так, ст. 4 и ст. 6, соответственно, гласят: «Если житель одного из андалалских поселений убьет во время тревоги предводителя противника, то тому, кто убил, Андалалское общество ежегодно отдает 10 баранов и 100 мерок зерна»; «Если противник убьет нашего человека, то наследникам убитого общество отдает 60 мерок зерна».

Андалалскому кодексу, исходящему из общепринятых в Дагестане правовых норм, присущ гибкий подход в отстаивании интересов союза, что, несомненно, следует поставить в заслугу законодателю. Так, ст. 5 кодекса гласит: «Если противник ранит андалалца, то стоимость раны причитается с противников, а если убьет, то и дият за убитого взыщется с них», но не уточняет, на кого именно будет наложено взыскание, что позволяет получить его с непосредственного убийцы и его родственников, в русле общепринятых в Дагестане правил прекращения кровной вражды.

Но в обратном случае андалалский законодатель не признает за своими гражданами права примиряться аналогичным образом. Напротив, он принимает на себя ответственность определять врага и бороться с ним всеми доступными средствами, а военные действия предоставляют ему право распоряжаться жизнью своих граждан, требуя от них одновременно готовности к смерти и готовности к убийству. Таким образом, Андалалский кодекс позволяет своим гражданам, без негативных правовых последствий для себя лично, убивать людей, стоящих на стороне врага. В соответствии с этим ст. 12 гласит: «Если один из наших убьет одного из противников и наследники убитого попросят у кого-нибудь из наших или у одного из наших поселений отдать им что-нибудь, то с жителей поселения, которые отдали просимое, взыскивается 3 быка, а с отдельного человека, отдавшего просимое, – 1 бык». И в том же русле лежат статьи настоящего кодекса, предусматривающие, что в случае неосторожного убийства кем-либо из андалалцев не противника, а другого участника боевых действий из «своих» (ст. 7) или из «чужих» (ст. 64), все бремя правовых последствий, в том числе и материального характера, ложится на Андалалский союз в целом. Вместе с тем андалалский законодатель, стремясь не допустить расширение круга своих врагов, предусмотрел весьма значительное взыскание с того, кто во время боевых действий (похода или постоа) будет уличен в убийстве лица, не причастного к вооруженному конфликту. Согласно ст. 9, с него взыскивалось 100 баранов, которые передавались в пользу наследников убитого.

Стремление регламентировать отдельные стороны частной жизни своих граждан исходя из интересов союза в целом является еще одной отличительной чертой Андалалского кодекса. Примером тому служит ст. 47, где сказано: «Далее мы согласились во время выезда в дорогу людей из нашего округа останавливаться вместе и помочь друг другу, если наши будут подвергаться чужому насилию» и предусматривающая санкции ст. 48: «С того, кто не остановится вместе или, остановившись, не окажет помощь, взыскать одного быка в пользу общества». Но наиболее отличительной, с точки зрения дагестанской правовой системы, является ст. 56, которая гласит: «В наших поселениях учащаются взаимные браки. Если одно из наших поселений запретит оформить брак женщине с жителем другого нашего же поселения, то с жителей запрещающего поселения взыскивается штраф в 100 баранов. Если же окажется, что это поселение взыскало этот штраф с того, кто женился на их женщине, то штраф отбирается».

---

---

На подобную регламентацию частной жизни в условиях дагестанской политической культуры не мог отважиться ни один из дагестанских феодальных владетелей, включая верховного правителя Дагестана – шамхала. И это как нельзя лучше демонстрирует андалалский законодатель в статьях 14, 15, 16 и 18, направленных на ограничение влияния «эмиров», как они именуются в кодексе.

Под эмирами Х.-М.О. Хашаев предлагал понимать Гази-Кумухских ханов [7, с. 175], однако в контексте XVII в. правильнее говорить о многочисленных отпрысках династии Шамхалидов. Разумеется, в их ряду могли быть и представители боковой ветви этой династии, правившие в расположенной в непосредственной близости от Андалала, первопрестольной столице дагестанских шамхалов – Гази-Кумухе. Наконец, упомянутыми в кодексе «эмирами» могли быть и обосновавшиеся в андалалском городе Ругуджа представители феодальной фамилии Султаналиевых, которые упоминаются едва ли не во всех исследованиях в связи с их массовым истреблением имамом Гамзат-беком [8, с. 19, 50].

Согласно вышеперечисленным статьям, андалалцам воспрещалось служить «эмирам», а все полученное за службу подлежало конфискации в пользу Андалалского союза. Также им не дозволялось без особой, очевидной для всех необходимости общаться с «эмирами», а на того, кто нарушил запрет и пробыл у кого-либо из них три дня, налагался штраф в 100 баранов. Аналогичному наказанию подвергался и тот, кто дал в пользу «эмиров» свидетельские показания, и, наконец, андалалцам категорически запрещалось вступать с «эмирами» в судебную тяжбу вне пределов Андалалского союза.

И такая система правовых отношений между дагестанскими узденями и «эмирами» наблюдалась в Дагестане повсеместно, а не только в Андалалском союзе или аналогичных союзах, столь же неправомерно именуемых «вольными обществами». Свидетельство тому сохранили многочисленные источники, в том числе и русского происхождения. Так, в специальной «Записке» о Кайтаге, т.е. феодальном образовании, известном еще с раннего средневековья, сказано: «Уздени устраняют всякое вмешательство уцмий в судебные разбирательства, для чего у них были свои выборные судьи, и свой апелляционный суд... уздени иногда обращались к суду уцмий. В отношении к узденям и отчасти к бекам он был не более как предводитель в военное время всего Кайтага и во внешних сношениях» [9].

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 140.
2. Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (с древнейших времен до второй четверти XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИЭИА РАН, 2002.
3. Хашаев Х.-М.О. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965. 268 с.
4. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 80–88.
5. Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927; Хашаев Х.-М.О., Саидов М.С. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957; Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / под ред. В.О. Бобровникова. Т. 1. М., 2009 и др.
6. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 81.
7. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. / под ред. В.О. Бобровникова. Т. 1. М., 2009. С. 175.
8. Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1981.
9. Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. М., 1969. С. 183–184.

Поступила в редакцию 03.03.2012 г.  
Принята к печати 28.09.2012 г.